

## ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ С. МАЙМОНА

**А. И. Бархатков**

В историко-философской литературе имя Соломона Маймона упоминается, как правило, исключительно в контексте его роли в критических дискуссиях о кантовской философии (наряду с именами Л. Рейнгольда, И.Г. Гамана, Ф.Г. Якоби и Г.Э. Шульце-Энезидема), подготовивших появление философской системы И.Г. Фихте. Но философия С. Маймона отнюдь не исчерпывается критикой ряда ключевых положений «Критики чистого разума». Его взгляды составляют целостную рационалистическую систему, охватывающую, в том числе, и вопросы, практически не поднимавшиеся в философии И. Канта и его ближайших последователей. Одним из таких вопросов был вопрос о философском языке, до С. Маймона практически не поднимавшийся в рамках дискурса немецкой классической философии, но сыгравший значительную роль в развитии предшествующих (Г.В. Лейбниц, Х. Вольф) и последующих (Венский кружок) философских течений.

Рассмотрению философско-лингвистических проблем посвящено приложение С. Маймона к «Опыту о трансцендентальной философии», озаглавленное «О символическом познании и философском языке». В этом сочинении мыслитель приступает к анализу проблемы языка исходя из своего понимания природы знаков. Согласно С. Маймону знаки делятся на естественные (например, изображение человека на портрете) и произвольные (к которым относятся, в частности, знаки естественного языка и математики). Первые одинаково понятны всем без предварительного изучения. Вторые необходимо специально изучать, но, в силу самого этого факта, они могут употребляться с меньшей долей неопределенности.

Согласно определению С. Маймона, «философия есть не что иное, как универсальная грамматика» [1, с. 154]. Во-первых, она предписывает каждому языку правило, согласно которому знаки языка должны точно согласовываться с обозначаемыми ими вещами: простые вещи должны обозначаться простыми, производными словами, а сложные – составными, образованными из простых. Во-вторых, она исследует, какие вещи являются простыми, а какие – производными, и исследует степень производности последних (производя последовательное иерархизирование родов и видов). Однако философия при этом не изобретает свой словарь, но использует словари существующих языков в качестве объекта применения своей грамматики как универсальной лингвистической формы.

В то же время, замечает С. Маймон, «если мы посмотрим на устройство существующих языков, то, хотя они и содержат в себе эту форму в большей или меньшей степени, они, тем не менее, далеки от полного ее

достижения (потому что эти языки не были изобретены философами в соответствии с отчетливыми понятиями, но выработаны обычными людьми в соответствии с их спутанными или, в лучшем случае, ясными представлениями)» [1, с. 155]. Согласно С. Маймону, совершенство всякой вещи определяется конечной целью ее существования, а конечной целью каждого языка является идеальный язык, идея которого несовершенным образом реализуется в его грамматике. Поэтому степень совершенства любого языка может быть объективно установлена и измеряется степенью его подобия идеальному языку.

В идеальном языке, по С. Маймону, знаки должны наиболее точным образом согласоваться с вещами, или понятиями, которые они обозначают. Количество и качество частей речи не может просто абстрагироваться от существующих языков, но должно выводиться а priori и организовываться в систему в соответствии с основаниями, обеспечиваемыми логикой и трансцендентальной философией. Так, наивысшие роды (соответствующие, в конечном счете, чистым рассудочным понятиям несколько модифицированной кантовской таблицы категорий) должны быть выражены примитивными знаками, а подчиненные им виды (представляющие из себя различные спецификации чистых рассудочных понятий) – знаками, составленными из этих примитивных.

С. Маймон осознанно позиционировал свою теорию идеального языка в качестве продолжения и развития проекта универсальной характеристики, выдвинутого Г.В. Лейбницем. В работе «Основы исчисления рассуждений» Г.В. Лейбниц характеризует этот проект следующим образом: «Мне же, беспокойному, уже давно со всей очевидностью представилось и нечто более важное, а именно что все человеческие мысли вполне разрешаются на немногие, как бы первичные; что если бы этим последним были поставлены в соответствие характеры, то из них могли бы образовываться характеры производных понятий, из которых всегда могли бы извлекаться их реквизиты и входящие в них первичные понятия и то, что я называю определениями или значениями, а равным образом и следствия, доказуемые из этих определений» [2, с. 502].

Во времена С. Маймона проект универсального исчисления рассматривался в качестве утопичного и нереализуемого на практике. С. Маймон защищает этот проект, опираясь на понятийный инструментарий трансцендентальной философии, в частности, используя кантовское понятие идеи разума. И. Кант определяет идею как «такое необходимое понятие разума, для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет» [3, с. 383]. Опираясь на это определение, С. Маймон утверждает, что, хотя план изобретения философского языка,

или универсальной характеристики, может никогда не быть воплощен практически, нам все равно следует мыслить его как идеал и бесконечно приближаться к нему.

Согласно С. Маймону, «все развитые языки современности изначально были такими же варварскими, как и любой варварский язык, существующий сегодня, и люди неосознанно привели их к сегодняшней степени совершенства, бесконечно приближаясь к идее совершенного языка» [1, с. 170]. Осознание и теоретическое усвоение этой идеи должно, по мысли С. Маймона, ускорить это развитие, сделать его целенаправленным и осмысленным. Таким образом, идея философского языка будет способствовать развитию и совершенствованию существующих языков, делая их более точными и облегчая тем самым процесс получения научного знания.

В то же время, С. Маймон указывает на то, что некоторый минимум данного проекта может быть уже сейчас реализован на практике, если наложить на него несколько существенных ограничений. Во-первых, он должен быть ограничен исключительно универсализацией и обобщением знания и не простирается на область научного открытия. Во-вторых, его следует распространить исключительно на чистые априорные науки, т.е. чистую философию и чистую математику. Реализация данного ограниченного проекта предполагает, согласно С. Маймону, создание специального словаря, включающего только концептуальные термины логики и трансцендентальной философии (субъект, предикат, необходимость, возможность и т.д.). По мысли С. Маймона, данный словарь должен представлять собой набор строгих дефиниций и быть иерархически систематизированным в соответствии с естественным порядком спецификации категорий.

Попытка создания такого словаря была частично предпринята С. Маймоном в работах «Философский словарь» и «Категории Аристотеля», но данный аспект его философии так до сих пор и не получил достаточного освещения в мировой историко-философской литературе.

### Литература

1. *Maimon S. Essay on Transcendental Philosophy / Translated by Nick Midgley et. al. London, 2010.*
2. *Лейбниц Г.В. Основы исчисления рассуждений / Пер. Г.Г. Майорова // Сочинения в четырех томах: Т. 3 / Под ред. Г.Г. Майорова и А.Л. Субботина. М., 1984. С. 501-505.*
3. *Кант И. Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Б. Тушлинга и Н. Мотрошиловой // Сочинения на немецком и русском языках / И.Кант; Институт философии РАН. М., 2006.*